

В главном командном пункте наблюдения только что завершилось совещание по вопросам совместных военных учений Военной академии Бездны и Одиннадцатого военного округа.

На голографическом экране прямо перед ректором офицер в парадном мундире сидел за столом, сцепив пальцы замком:

— В таком случае остановимся на этом. Мы закрепим за каждым этапом подготовки специалистов, чтобы исключить малейшие накладки.

— Идеальный вариант. Благодарю за содействие, капитан Хайле, — ректор Цзянь Чэнтянь, облачённый в безупречно сидевший костюм, выглядел рядом с кадровым военным скорее вездельным дельцом; даже его волосы были гладко зачесаны гелем к гелю. — Рассчитываю на плодотворное сотрудничество.

Вежливая формула явно знаменовала конец разговора, однако голографическая проекция так и не погасла.

Наталкиваясь на прямой, немигающий взгляд офицера, Цзянь Чэнтянь вздохнул и небрежным жестом отослал подчинённых. Едва тяжёлые двери мостика захлопнулись, он нехотя спросил:

— Что-то ещё? Говорите.

— Адмирал, вы правда не собираетесь возвращаться на службу? — оставшись без свидетелей, Хайле мгновенно сменил обращение. — С тех пор прошло столько лет! Все виновные понесли наказание. Одиннадцатому округу жизненно необходимо ваше руководство.

— Если под «наказанием» ты разумеешь банальное разжалование, то звучит крайне убедительно, капитан, — Цзянь Чэнтянь неспешно отпил из фарфоровой чашки. — Когда после мятежа округ чистили, меня вышвыривали под радостные вопли всей армии. Разве такое пышное прощание забудешь? И вот я уже столько лет спокойно возвращаю молодняк в Академию Бездны — поливаю, удобряю, живу в удовольствие. А теперь, когда остальные округа обогнали Одиннадцатый и прижали его к ногтю, вы резко вспомнили про старого бездомного пса? Завалились и с лёгким сердцем заявили: «Всё в прошлом»? Не слишком ли дёшево?

Сухие, ядовитые слова заставили Хайле поморщиться:

— Но вышестоящее командование заявляет, что если адмирал согласится вернуться, то Одиннадцатый округ полностью передадут под ваше...

— Эх, Хайле... — Цзянь Чэнтянь с отцовской жалостью посмотрел на бывшую правую руку. — Начинаю сомневаться, правильный ли выбор я сделал, оставив тебя там. Дослужился до капитана, а соображалка в моих делах всё та же. Разве не ясно, зачем тебя прислали куратором учений? Раз уж они с такой бесстыдной наглостью вытащили эмоциональную карту,

дела в округе совсем дрянь.

Он поставил чашку на стол; глухой стук отозвался в тишине комнаты.

— Но эти дураки забыли главное: эта армия никогда не принадлежала им. И точно так же не принадлежит мне.

Хайле сглотнул готовые сорваться возражения и, смирившись, выпрямился:

— Я понял, адмирал. Извините за несдержанность.

Цзянь Чэнтянь лишь небрежно отмахнулся.

Проекция мигнула и истаяла. Заседавшее в штабе руководство исчезло, выхватив из темноты лишь огромную стену экранов, усыпанную сотовым узлом мозаики видеонаблюдения.

Цзянь Чэнтянь погладил тёплый фарфор. Его взгляд скользнул по веренице юных фигур, сходявших под покровом ночи с десантного челнока. На тонких, обычно холодных губах промелькнула тень подобия теплоты:

— Эх, молодёжь... Будь те двое ребят живы, сейчас бы сравнялись с ними возрастом.

Глухая, автономная планета встречала редкими деревеньками — связь здесь едва дышала на ладан.

Янь Цяо всю дорогу пристально вглядывался в темноту. Несмотря на сумрак, он то и дело замечал заранее смонтированные камеры наблюдения: руководство явно собиралось фиксировать каждый шаг кадетов на этих учениях.

Впрочем, объективы гнездились преимущественно вокруг базового лагеря. Когда отряды углубятся в дикие пустоши и глухие леса, съёмка ляжет на плечи сопровождающих дронов.

Это сулило немалые сложности на случай ЧП, но куда сильнее Янь Цяо смущала бытовая катастрофа, представшая перед ним прямо сейчас.

Сбоку стоял Цзинь Юньцзэ, смеривая жильё не менее мрачным взглядом:

— И мы серьёзно должны спать в этом?..

Габариты палатки для четырёх рослых парней выглядели издёвкой. Едва выкроили пяточок под рюкзаки, а оставшийся уплотнённый левый угол занимали четыре комплекта постельного белья, уложенные ровным прижатым квадратом. Каждому досталось по узкой полоске — только-только на бок повернуться.

Достаточно было беглого взгляда, чтобы яркая картина обнимающихся плечами курсантов, дышащих друг другу в затылок, встала перед глазами во всей красе.

В общежитии у каждого имелась пусть скромная, но личная кровать. От мыслей о предстоящей ночной тесноте Янь Цяо аж перекошило.

— Ты чего застыл? — Инь Тин, заприметив оцепенение Янь Цяо, подскочил сзади и заглянул через плечо. — Только не говори, что страдаешь клаустрофобией.

— Нет... — Янь Цяо подумал, что если ему когда-нибудь придётся сочинять нелепые отговорки, фантазия этого типа спасёт любую ситуацию.

Медленно сглотнув скопившийся в горле ком, он с каменным лицом шагнул под тент и швырнул сумку на крайний спальник.

Бай Кунмин зашёл следом.

Задержав на мгновение взгляд на месте по соседству с Янь Цяо, он молча нагнулся, расстегнул сумку и достал свежий комплект наволочки и пододеяльника.

Стоило гению занести руки над матрасом, как Цзинь Юньцзэ ловким трюком скользнул вперёд, сходу брякнувшись на постель и закинув руки за голову:

— Забирай свои стерильные простыни и дуй на тот край. Мне нравится Янь Си, я с ним лягу.

Бай Кунмин не шелохнулся:

— Судя по порядковым номерам в общежитии, это моё место.

— Серьёзно? Куратор о таком заявлял? Что-то я не припомню.

Цзинь Юньцзэ и не думал уступать. Более того, он с кошачьей грацией перекатился ближе к Янь Цяо, едва не коснувшись его одеяла, как вдруг чья-то железная хватка подцепила его за воротник и в мгновение ока переместила на дальний спальник.

— Инь Тин, ты совсем сдурел?!

Инь Тин, без видимых усилий отшвырнувший парня, беззаботно улыбнулся:

— Прислушайся к умному человеку, двигай на место.

— Ты с каких пор с Бай Кунмином за одно... — Цзинь Юньцзэ не успел доругаться: длинная нога Инь Тина уже вовсю укладывалась на ещё не остывший матрас, вытянувшись во весь рост. Голос сокрушённо затих: — Запел-то как благородно. Сам просто улечься с Янь Си захотел!

— Ну, одно другому не мешает, — Инь Тин поправил подушку и лукаво взглянул на Бай Кунмина: — Брат Бай, не против?

Бай Кунмин встретил его взгляд с ледяным спокойствием. Он уже открыл рот для отповеди, когда увидел, как Инь Тин с видимым удовольствием поёрзал голой пяткой по чистой простыне.

Нависла тяжёлая пауза.

— Я ушёл в душ. Делай что хочешь, — ровным тоном произнёс Бай Кунмин и развернулся.

Цзинь Юньцзэ сокрушённо вздохнул:

— Один проиграл из-за хороших манер, второй — из-за шизофренической брезгливости.

Янь Цяо лишь промолчал.

Ему искренне не верилось, что эти Альфы сговорились делить с ним одни нары. Но радовало малое: тесная палатка обостряла восприятие до предела. Даже не оборачиваясь, Янь Цяо спиной ощущал каждое движение Инь Тина на расстоянии ладони — отчётливо, будто в замедленной съёмке.

И это было только началом.

Если колотящееся сердце ещё удавалось унять глубоким дыханием, то предстоящее мытьё в душе грозило перерасти в катастрофу.

Наблюдая, как Бай Кунмин исчезает за пологом с охапкой сменного белья, Янь Цяо поморщился и сжал виски.

В общежитии удавалось подгадать момент, когда комната пустела. Но здесь, на отшибе цивилизации, развернули всего две общие душевые — для Альф-мужчин и Альф-женщин. Учитывая рой камер снаружи, скрыть от окружающих свою анатомию будет почти невозможно.

А сушиться и не мыться все учения... Да от него за версту разить начнёт!

Пока он лихорадочно искал выход из тупика, одеяло над головой с шорохом сдвинулось, и в образовавшуюся щель хлынул свет. Янь Цяо вскинул голову.

Инь Тин уже сбросил китель; обтягивающая майка обрисовывала поджарый, рельефный торс. Приподняв край одеяла, он уставился на Янь Цяо сверху вниз, разглядывая его с откровенным любопытством. Голос прозвучал с показным беспокойством:

— Не укутывайся с головой, задохнёшься же.

Зрачки Янь Цяо от резкого визуального раздражителя сузились. Рефлексы сработали быстрее мыслей: он упёрся ладонью в твёрдую грудь Инь Тина и с силой отпихнул наглеца.

Инь Тин покорно отвалился назад, растянувшись на своей подстилке. Широкая ладонь задумчиво погладила место укола, а на лице отобразилась работа мысли — словно он оценивал плотность и силу чужого удара.

Янь Цяо сел, сбросив одеяло на бёдра. Сжав губы в узкую нить, он процедил:

— Следи за собой. Ещё раз влезешь — пожалеешь.

Смотря на то, как тот маниакально поглаживает собственную грудь, Янь Цяо на полном серьёзе ожидал двусмысленного пассажа в духе: «Так ты уже со мной не церемонишься».

Заикнись тот хоть словом — и сжатый кулак мгновенно встретился бы с его подбородком.

К счастью, Инь Тин вовремя уловил нарастающую угрозу. Он сдал назад, укрывшись одеялом по самую грудь:

— Намёк понял, уже сплю.

Вышло настолько слаженно, будто манёвр оттачивался месяцами.

После некоторой паузы из угла, где Цзинь Юньцзэ посасывал из трубочки питательный коктейль, донеслось ехидное:

— Слышь, Инь Тин, если боишься схлопотать, уступи место. Я с Янь Си с радостью поменяюсь.

Янь Цяо лишь тяжело выдохнул.

Откинувшись назад, он вновь по уши зарылся в одеяло и сжал веки, задыхаясь от головной боли.

Учения только начались, а он уже задавался единственным вопросом: когда, чёрт возьми, закончится этот кошмар?!

<http://bllate.org/book/20130/1993180>